

Анисимова Светлана Геннадьевна

ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ АНОМИИ В РОССИИ: ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Статья посвящена аномии в российском обществе, находящемся в длительном состоянии трансформации. Автор акцентирует свое внимание на комплексе причин и условий, которые обусловили расцвет девиантности в России, среди них историко-политические, цивилизационные, экономические, политико-структурные, государственно-управленческие, экологические, нравственно-правовые, духовно-культурные, социально-психологические и др. В качестве специфических стимуляторов расширения проявлений девиантного поведения выделяются средства массовой информации и художественные произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 15-21. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Верещагина Е. Л.** Место регионов в политической системе современной Европы // Европа и становление нового миропорядка. М.: ИНИОН РАН, 2006.
2. **Вульф Л.** Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
3. **Зидентоп Л.** Демократия в Европе / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2001. 312 с.
4. **Малахов В. С.** Государство в условиях глобализации: учебное пособие. М.: КДУ, 2007. 256 с.
5. **Монне Ж.** Реальность и политика: мемуары. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 663 с.
6. **Ноженко М.** Национальные государства в Европе. М.: Норма, 2007. 344 с.
7. **Расширение Европейского Союза и Россия** / под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2006. 568 с.
8. **Шишков Ю. В.** Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: НП «Третье тысячелетие», 2001. 478 с.
9. **Ян Э.** Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3-х т. М.: Росспэн, 2010. Т. 1. Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. 432 с.
10. **Balassa V.** The Theory of Economic Integration. L., 1961. P. 2.
11. **Eurobarometr Report.** 1998. N. 48. March.

EUROPEAN UNION AS POLITICAL CONFIGURATION OF NEW TYPE**Mariya Aleksandrovna Avilova***Department of Russian Policy**Moscow State University named after M. V. Lomonosov**mavilova@yandex.ru*

The article is devoted to the consideration of the questions concerning modern changes in international relations system and, first of all, European integration. The author reveals the logics of the European Union construction, basic preconditions and content, pays special attention to the processes of national states integration into the united all-European "family" and the consequences connected with them, determines the characteristic features and attributes of the European Union in political processes of the present.

Key words and phrases: state construction; political institution; European Union; integration.

УДК 316.4.066-422

Статья посвящена аномии в российском обществе, находящемся в длительном состоянии трансформации. Автор акцентирует свое внимание на комплексе причин и условий, которые обусловили расцвет девиантности в России, среди них историко-политические, цивилизационные, экономические, политико-структурные, государственно-управленческие, экологические, нравственно-правовые, духовно-культурные, социально-психологические и др. В качестве специфических стимуляторов расширения проявлений девиантного поведения выделяются средства массовой информации и художественные произведения.

Ключевые слова и фразы: аномия; девиации; трансформация; причины; условия; предпосылки; дезинтеграция; нормы; ценности.

Светлана Геннадьевна Анисимова, к. соц. н., доцент*Кафедра истории и теории социологии**Социологический факультет**Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова**Fomas2003@list.ru***ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ АНОМИИ В РОССИИ: ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС[©]**

В апреле 1986 года в Советском Союзе была объявлена перестройка - начало глубоких хозяйственных, политических и социальных реформ. Новая терминология (гласность, ускорение, плюрализм, хозрасчет и т.п.) отражала всесторонний характер начавшихся перемен. В области идеологии произошли кардинальные сдвиги: с различных трибун артикулировался посыл о возвращении к «человеческому измерению» и формировании нового морального манифеста - гуманизация социализма, нравственное возрождение советского общества, утверждение приоритета общечеловеческих ценностей. В реальности страна погружалась в состояние перманентного кризиса.

Логика развития любого социального явления подтверждает, что *nihil fit sine causa*, выдвижение на первый план кризисных явлений и взрыв негативных девиаций (наркотизм, суицид, проституция, преступность и т.п.)

связано с целым комплексом предпосылок: глобализационных, цивилизационных, экономических, географических, историко-социальных, политико-культурных, духовно-психологических и других, на что указывают отечественные и зарубежные авторы Т. И. Заславская [10], Г. В. Осипов [18], О. И. Шкаратан [26], В. А. Ядов [28] и др. В связи с этим для анализа трансформаций применяется теория аномии Э. Дюркгейма, развитая Р. Мертоном в приложении американскому обществу и дополненная современными учеными.

В конце XIX в., на фоне происходящих в мире преобразований, французский ученый Э. Дюркгейм выделил аномию при анализе «ненормальных» форм разделения труда. Он отмечал, что «в момент общественной дезинтеграции, будет ли она происходить в силу болезненного кризиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований, общество оказывается неспособным проявлять нужное воздействие на человека» [9, с. 293-294], из чего проистекает состояние беззакония, отсутствие правовых норм, влекущее различные социальные девиации и патологии.

Аномия - результат всеохватных изменений в социальной системе, однако, в некоторых случаях, изменения могут протекать в латентной форме, когда сравнительно незаметно культурные цели постепенно отдаляются от институционализированных норм, переводя аномию из «мягких» форм в остропроблемные. Естественно, в самом благополучном, стабильном обществе наличествуют очаговые ареалы аномии, необходимые для поддержания жизнеспособности системы (фронда, оппозиция, андерграунд и т.д.). Можно вспомнить существование в СССР групп диссидентов и криминальных авторитетов - воров в законе. И те, и другие не принимали существующую систему ценностей и норм, эти общности пытались проживать в соответствии с собственными установками (либо общечеловеческими ценностями, либо по «воровским понятиям»), что не мешало им встречаться в пенитенциарных учреждениях исправительно-трудового или медицинского типа. Аномия как тотальное явление - это кризисное состояние, характеризующееся рассогласованием ценностно-нормативной основы, нарушениями в функционировании системы социальных институтов и всех сфер жизнедеятельности, расширением сферы нелегитимного нормативного регулирования, изменением социокультурных ориентиров и образцов деятельности, расширением проявлений девиантного поведения [1, с. 32].

Основной тезис теорий аномии состоит в том, что всеобщим основанием социальной интеграции и солидарности любого общества служит устойчивый каркас из ценностей и норм. При «запуске» масштабной аномии, расширении-сужении, усилении-сглаживании пространства аномии «срабатывает» конгломерат факторов, разрушающих наличную ценностно-нормативную систему, что объясняется превалированием тех и иных причин и условий или их сочетаний в конкретных социально-территориальных сообществах. Россия попала в середине 1980-х годов под «двойной удар» трансформаций: реформы внутри страны и объективные процессы глобализации.

Аномия пронизывает все сферы, сегменты, структуры и институты общества, однако, первые серьезные проявления аномии возникают в базисе - экономической сфере, затем экономика «заражает» девиантностью все другие сферы общества и тотально воспроизводится. Экономическая аномия (по Э. Дюркгейму) - это нарушение установленного порядка, фиксирующего с относительной точностью максимальный уровень материального благосостояния каждого общественного класса и устанавливающего определенные рамки по шкале доступного, возможного и допустимого накопления материальных благ. Разрушение этой установленной ранее шкалы и возникновение новых соотношений на ней, появление новых социальных групп «лидеров» и «аутсайдеров» немедленно сопровождается возникновением аномийных состояний. Опираясь на постулат о детерминированности общественной жизни экономическим базисом, в качестве важнейшего основания латентного расползания аномии, а затем манифестации жестких аномических форм, можно считать экономическую ситуацию, сложившуюся к середине 1980-х в советском государстве: снижение управляемости и эффективности производства; абсурдизация планирования; повальные мелкие нарушения закона в рамках обычая «делового оборота», традиционного для российской ментальности; переизбыток денежных средств, не пущенных в оборот из-за товарного дефицита; «заморозка» инновационного потенциала; деградация менеджмента в индустриальном секторе; превращение коррупции в системное явление за счет «серого рынка» дефицита и расширение «черного» (цехового) рынка производства услуг и товаров; скрытый демонтаж социальной структуры и т.д.

Многовековой причиной, заставляющей воспринимать российское государство как «колосс на глиняных ногах», является огромная территория, по определению снижающая управляемость, и географическое положение на территориально-культурной границе Азии и Европы, Востока и Запада. Нахождение «меж двух враждебных рас», по образному выражению А. Блока, и наличие вместе с тем собственной аутентичности, выступают как «неустранимое» явление российской реальности. В социально-психологическом плане в качестве фона аномии присутствуют особенности ментальности населения, глубоко осмысленные русским философом Н. Бердяевым, а именно, модель пессимистичности, пронизанная самобичеванием и распространением самоуничтожающих форм бытия, такими как пьянство, табакокурение, пренебрежение здоровьем, а также циклический ритм деятельности с минимальными - максимальными фазами напряжения и т.п. [2]. Психологическая парадигма позволяет выявить постоянно присутствующее в массовом российском сознании противоречие, когда одновременно сосуществуют официальная идеология и традиционное сознание. Наличие глубинных пластов бинарного массового сознания проявляется в различных формах, таких как латентность («кухонная критика» в советское время и «критика в блогах» в настоящее время), конформизм и неконформизм, иждивенчество, бытовые фобии и ксенофобия и т.п. Кроме того, в обществе присутствует

подозрительность к частной собственности и богатству, как *a priori* незаконно полученному, и «обостренное» чувство социальной справедливости, потребность в равенстве, выражающееся в стремлении к уравнительству. Таким образом, в повседневности неравномерно закреплены системы ценностей (христианство и язычество, большевизм и здравый смысл), что постоянно создает почву для массового отчуждения от определенных сегментов общественной и личной жизни.

В качестве «катализаторов» аномии выступают историко-политические факторы, к которым можно отнести следующие: искажение истории, которая переписывается в угоду сиюминутным целесообразностям и регулярное ниспровержение прежних идеалов; эклектичность исторического развития и «ненормальное соотношение между величием достигнутого Россией международного положения и слабым внутренним ростом, низким уровнем духовных и материальных средств, которыми обладал её народ» [13, с. 5]; склонность к мессианству и тотальным переделкам; поглощение общества государством в связи с гигантской территорией; приверженность сильной власти, длительное сочетание патернализма и авторитаризма, что выражено в крылатой фразе: «вот приедет барин, барин нас рассудит»; интеграция народов, зачастую без должного внимания к специфике их жизни и управления при властных амбициях местной элиты; революционный переход от феодализма к социализму, сформировавший в национально-административных образованиях (республики Северного Кавказа, Поволжья, Сибири) устойчивую дуальную систему ценностей.

Неэкологическое мышление, воплощающееся в поговорке «после нас хоть потоп», прослеживается в расточительном отношении к земельным, водным, лесным ресурсам и природным ископаемым и в отношениях людей между собой, когда «лес рубят, щепки летят», и способствует расширению сферы разрегулированности.

Главным цивилизационным фактором воздействия на уровень и степень распространения аномии стал «крах великой империи и обвальная деколонизация её окраин» [Там же, с. 6]. Можно констатировать, что если уж рушится такие фундаментальные ценности как государство и социальная общность, то остальные ценности «летят в пропасть» практически без сопротивления. Мощное влияние цивилизационного разлома, повлекшего разрушение имперского сознания «простого советского человека» - представителя единой общности, выступило как сильнейший посыл развала ценностно-нормативной системы.

Важнейшая из социальных причин зарождения и расширения аномии - отсутствие гражданского общества, точнее, наличие гражданско-административного общества, постоянно формируемого и питаемого органами государственной власти, отчуждение народа и власти, народа и интеллигенции. В ретроспективе заметно, как на протяжении длительного времени государственные структуры отдалялись от общества и их место занимали девиантогенные структуры, протокриминального (средства массовой информации) и криминального характера (организованные преступные сообщества различных видов). Кроме того, с некоторой долей допущения, предпосылкой аномии можно считать отсутствие среднего класса как базового слоя гражданского общества.

Другие социальные причины аномизации «без границ»: противоречивость, дискретность социального развития в условиях постоянных реформ, что выражается в разнице между интересами отдельных людей, личности и социальных групп, социальных общностей, социальных общностей и общества, индивида и общества, когда степень несовпадения этих интересов влияет на увеличение либо сокращение девиантов; повальное наступление консюмеризма, превращение богатства во всеобщий символ успеха и порождаемые этим «дикие» формы потребления; поляризация общества по критериям бедность-богатство и связанные с нею «перекосясы» в социальной структуре, когда индивиды обретали новый статус отнюдь не благодаря своим общественным стремлениям; на новые общественные позиции попадали люди, которые не соответствовали им по своим способностям, данным и призванию. Аналогичная ситуация наблюдалась и наблюдается в других постсоветских странах, где «неравенство, приобретающее небывалые размеры, приводит к разложению общественной солидарности и чувства справедливости» [4, с. 87].

Большую роль в расширении деструктивных явлений сыграли диспропорции в поло-демографической структуре: межпоколенческий разрыв 1980-х годов имел принципиально иной характер по сравнению с классическим конфликтом «отцов и детей». Поколение *X*, родившееся в 1970-е годы, кардинально отличалось от своих родителей и жило в совершенно иной системе координат: водораздел проходил в соответствие с «революцией притязаний», охватившей весь мир. Резкий скачок притязаний и понижение готовности людей к жертвам ради их воплощения в жизнь стал результатом социально-культурных, экономических и политических революционных изменений конца 1980-х - начала 1990-х годов, и одновременно условием, обеспечивающим сам процесс социальных изменений. Российский ученый В. С. Магун зафиксировал, что в этот период «господствовало настроение социального оптимизма (и даже эйфории) в отношении возможностей нового общественного состояния. Это настроения формировалось под влиянием описанного в психологии «принципа удовольствия» и вело к более высокому уровню притязаний, как и к логически дополняющему его представлению о большей легкости их воплощения в жизнь» [14].

Политико-структурные и государственно-управленческие предпосылки аномизации включают широкий круг факторов и условий. По мнению правоведов, «ключевым аспектом, предопределившим всё иное разнообразие федерации (современной), по-прежнему остается структура федерации с точки зрения её государственного устройства... порок, в котором кроется серьезная опасность дестабилизации - наделение республик статусом государства и национальный фактор оказывает разрушающее воздействие на государственность России, влияет на рост национализма» [11, с. 37-38]. Одни регионы России в большей степени тяготеют к европейским ценностям, другие - отрицают модернизацию по западным сценариям или напряженно

воспринимают её, что связано с асимметрией социально-экономического развития территорий и неодинаковой степенью приверженности к традиционной экстенсивной модели развития экономики и культуры.

В. Ф. Степанов указывает на блок факторов, деформирующих систему государственного управления в России: постоянные «рывки» в экономическом и социально-политическом развитии, сопровождающиеся разрушением предшествующей социальной организации «до основания», смена либеральных и авторитарных режимов; ортодоксальность, уравнилельно-деспотический подход к экономике и культуре; неприятие, искоренение инакомыслия; несоответствие официальных деклараций реальной политике; стремление к форсированному успеху, к внешнему блеску; перманентное огромное влияние бюрократии (партократии), усиливающееся в ходе административных реформ властных структур; незначительность либо ограниченность влияния коллективов и выборных органов; внутреннее отрицание рынка и парламентаризма; конформизм в сочетании с «тлеющим» бунтарством, «ползучий саботаж» как форма сопротивления; решающая зависимость служебной карьеры от личных и деловых связей, от идеологической и личной лояльности, снижающие качество управления, профессионализм и объективную целесообразность принимаемых решений» [22, с. 103] и др.

Духовно-культурные факторы разрастания анонии достаточно многообразны: наличие взаимоисключающих начал в религии, культуре, этносах; внедрение «квазиформ» постиндустриальных ценностей и формирование несовпадающих систем социокультурных ценностей; масштабное распространение консюмеризма, потребительства, гедонизма как форм бытия, мультикультурность и мультиморальность социального пространства [20, с. 262-272]; пропаганда извращений, перверсий, привыкание к насилию и т.п.

Нравственно-правовые факторы расширения ненормативной сферы глубоко укоренены в обществе. К ним относятся слабое развитие правосознания, идей свободной личности и свободного труда, ориентация на заботу со стороны государства и иррациональные представления о совести, чести, морали, справедливости. Коррозия нравственных ценностей проявилась в публичности интимной сферы, «выносе на люди» личностных и семейно-брачных отношений. Снижение роли морально-нравственных регламентаций явственно наблюдается в процессе перевода интимных связей в форму гендерных контрактов [24].

Связанное с острым социальным кризисом усиление антиномичности ценностных установок и моральных ориентаций зафиксировал великий русско-американский социолог П. А. Сорокин. В такие периоды, с одной стороны, усиливается позиция эгоистов, основным моральным правилом которых является вседозволенность, с другой - происходит процесс объединения усилий альтруистов [21]. Первые стремятся к релятивизации моральных этических ценностей, выветриванию их из общественного сознания, вторые - к повышению статуса моральных императивов, создавая при этом новые этические системы ценностей. Обе эти модели морального поведения в условиях нестабильного общества расщепляются, активно противопоставляются и становятся массовыми. Можно заметить, что в нашем сообществе доминируют циники, эгоцентристы.

Всеохватный правовой нигилизм, деформация морально-правового сознания приводят к практике неисполнения, ограниченного применения и разрушения законов. Русская поговорка «закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло» стала реальной инструкцией правоприменения. К признакам правового нигилизма на российской почве можно отнести широкую распространенность, повсеместность и многообразие форм проявления. Так, в триаде законодательной, судебной и исполнительной власти произошло расширение областей действия «телефонного права» и права «сильного» на фоне заявленной, но затем «растворившейся» системы сдержек и противовесов. Можно заметить, что шаткое равновесие между обществом и тремя ветвями власти постоянно сопровождается ростом деструктивных социальных изменений в различных сегментах общественных отношений и в системе социальных институтах. Постепенная утрата императивности законов, уменьшение сферы государственно-правового регулирования происходила в неразрывной связи с утверждением неконформизма, то есть нарушением легальных форм как нормы деятельности в определенных слоях и группах («откат» при решении любых вопросов в государственных, а теперь и в муниципальных органах, разветвленная система «распила бабок» - распределение государственных траншей, субсидий и других денежных средств в иерархизированных государственных структурах).

С конца 1980-х годов началось превращение правоохранительной деятельности в предпринимательство, «обслуживание интересов власти, привилегированных слоев общества, а не всех граждан страны» [15], дистанцирование «силовых структур» от населения [17]. Средства массовой информации «демонизировали» сотрудников некоторых правоохранительных органов (службы государственной безопасности, прокуратура и др.) и раскручивали «охоту на оборотней» с милицейскими погонями. В то же время расширялась сфера деятельности преступных сообществ, был осуществлен выход криминальных структур из «подполья» и презентация своего образа жизни и ценностей. Через масс-медиа происходила идеализация криминалитета, усиление реального и виртуального присутствия преступной субкультуры в различных сферах: от речевых коммуникаций до государственных органов. Очевидно, что «отдельные составляющие образа жизни криминальных структур, такие как жаргон, татуировки, язык жестов или, как его ещё называют сами преступники, «распальцовка», воровской шансон стали стремительно интегрироваться в культуру, речь и образ жизни обывателей» [23, с. 90].

Заложенные в художественной литературе и седементированные в культурных образцах аномальные «заряды» выхода из кризисной ситуации (аутоагрессивный, агрессивный либо фаталистический) проникли в сознание поколений читателей, ибо неискореняемая вера в печатное слово является специфической особенностью россиян. По мнению известного филолога и писателя Г. Ш. Чхартишвили (Б. Акунина),

«внеклассное чтение русской литературы» определяло стиль и образ жизни представителей различных слоев и групп населения. Российское общество переживало инфицирование литературой с разной степенью интенсивности в XIX и XX веках [25, с. 201]. На наш взгляд, энергия разрушения оказала на население страны огромное влияние, деформируя представление об окружающем мире и собственном «Я», раскручивая центробежные тенденции, уничтожая нормативно-ценностные стереотипы и подталкивая к отчаянному признанию в духе героев Ф. М. Достоевского: «Если Бога нет, то всё дозволено». Разрушение модели мировоззрения с верой в религию-коммунизм, светлое будущее, достоинство и гордость советского человека во многом инспирировано деятелями культуры конца 1980-х - начала 1990-х годов, которые «выволокли» на белый свет и показали людям всю «мерзость» их существования и стали одними из авторов аномических процессов, со всеми вытекающими последствиями. Несмотря на то что Россия уже «не самая читающая страна в мире», влияние художественной литературы, а ныне публицистики, продолжает оставаться достаточно высоким, сохраняется детерминация социального поведения образцами, сконструированными в произведениях искусства, а чаще фабрикуемыми СМИ, особенно телевидением и Интернетом. Естественно, степень восприимчивости зависит от места, занимаемого акторами в социальной структуре.

Болгарский ученый Д. Пантич подчеркивает, что глобальные изменения служат «усилителем» аномии [19, с. 35], дополняя внутренние предпосылки имплицитными влияниями. Это связано с тем, что глобализационные процессы сопровождаются небывалым прежде сжатием социально-пространственных координат. Британский социолог Э. Гидденс подчеркивает, что глобализационный процесс «находится в непосредственной близости и от нас, воздействуя на самые интимные и личные аспекты нашей жизни ... в повседневной жизни происходит настоящая революция, последствия которой ощущаются по всему миру в самых разных областях - от трудовых отношений до политики» [5, с. 29]. Глобальным катализатором трансформации становится «сеть». В повседневности становится заметным и значимым возникновение организованной сети информационно-ориентированных локальных социокультурных комплексов, локальных не в территориально-географическом, а в социальном и расширяющемся виртуальном пространстве. Все это порождает смыкание локальных (местных, национальных либо региональных) проблем социального, политического, идеологического, военного и тому подобного характера в общемировые проблемы.

Можно согласиться с мнением, что в эпоху глобализации «процесс экспансии (диффузии) сверхидей приобретает стремительный, в определенной степени - самопроизвольный характер» [7, с. 85]. Мировые процессы способствуют тому, что принцип «личного успеха», лежащий в основе американской социокультурной парадигмы, получает все большее распространение и в других странах. Параллельно в сознании множества людей происходит возрастание силового фактора и «катастрофическое ослабление нравственных начал между людьми, государствами и транснациональными корпорациями, доминирование в мире страха, рассчитанного на шок, распространение зависти» [16, с. 44]. Учеными отмечается «потеря ощущения добра и зла ... морали нет, есть приспособление» [12, с. 57]. Сербский ученый З. Видоевич делает вывод, что «новый мировой порядок становится порядком хаотизации мира, глобализацией страха и насилия и несет ещё большую опасность, чем прежний «биполярный» порядок, поскольку не поддается контролю» [3, с. 25]. В результате установка на индивидуализм и личностные достижения в системе статусов и материальных благ (главные источники роста аномии) и снижение ощущения личной безопасности существенно повышают степень социального риска и предрасположенность к кризису различных локальных социальных систем.

Российское общество конца XX - начала XXI вв. оказалось под воздействием нелинейных внесистемных факторов различного порядка. В России дополнительной подструктурой аномии выступает дихотомия между декларируемыми целями, путями-средствами и каналами их достижения и наличием в массовом сознании второй системы целей и средств, имеющих эклектический характер (традиционные ценности, идеал-цель как иррациональное явление), сужением каналов социально-позитивного продвижения и предоставлением каналов асоциальной и криминальной мобильности. В кризисном обществе состояние тотальной аномии объясняется тем, что из-за многообразия культур, сообществ возникает огромное количество течений, групп с различными ценностями, установками, которые в свою очередь порождают новые, синтетические формы нарушения наличных норм. Текущее общество (термин З. Баумана), несущее в себе несколько моделей (феодальное, квазикапиталистическое, гражданское и другие) имманентно содержит конфронтацию, социальную разобщенность, сегрегацию, дискриминацию, обладает минимумом идентичности и интеграции.

Снижение степени интегрированности в аномическом обществе порождает отдельные локальные нормативно-правовые системы, отдельные сообщества с аутентичным правовым сознанием. В процессах стремительного «разлома» системы социальных институтов индивиды и группы оказываются в ситуации, когда нет возможности и желания соблюдать существующие нормы и регламенты. В сфере кризисных общественных отношений спонтанно, самопроизвольно возникают новые социальные нормы. Они могут более адекватно отражать изменившиеся условия, но, находясь в «теневой сфере», вне институционального контроля, не обретают общеобязательный характер. Источником возникновения искаженных норм служат девиантные сообщества, имеющие различный характер, как криминальный (ОПГ), так и протокриминальный (СМИ, профессиональные сообщества). Нелегитимированные нормы способствуют развитию девиаций, заставляют принимать новые ненормативные формы реагирования на реальность, способствуют развитию правонарушений и преступлений. В таких случаях происходит размывание нормативно-ценностной системы, нарастает деформация правовой жизни, разрушение наличного правосознания и формирование новой правовой схемы.

В условиях нормативно-правового нигилизма, когда материальный успех становится широко распространенной целью, а государство не обеспечивает легальных средств её достижения, тенденция к криминализации массового сознания приобретает все более устойчивый характер и тем самым способствует распространению делинквентных форм поведения. Параллельно идет формирование не только поведения, но и социальных установок, предполагающих нарушение правовых и моральных норм. На уровне общностей наблюдается возрождение «архетипичных» идентичностей, таких семья, клан, этнос, каста, секты, девиантные и криминальные сообщества, создающие области жесткой напряженности. В качестве «локомотивов» криминализации выступили, с одной стороны, те национально-территориальные общности, которые сохраняли (параллельно с официальными идеологическими установками) традиционные структуры (джуз, тейп и т.п.), а с другой стороны, те группы, которые «перевели» эти архетипы в форму территориально-криминальных сообществ типа казанских «моталок», люберецких «качалок» и других организованных преступных групп. Расширенная «семья» и «землячества» сыграли свою роль как «социальные лифты», давая возможности «приподняться» в социальном пространстве.

Великий итальянский мыслитель и писатель А. Грамши записал в своих «Тюремных тетрадах»: «Кризис заключается именно в том, что старое уже умирает, а новое ещё не может родиться. В этом междуцарствие возникает множество разнообразнейших патологий» [8]. Именно в кризисном обществе возникает возможность социального маневрирования для большего числа индивидом, закладываются основы активизации социальной деятельности и происходит концентрация ресурсов пассионарных социальных акторов. Воспроизводящаяся аномия неизбежно сопряжена с трансформацией (разрушением, нивелированием) социальных норм, и, соответственно, влечет за собой коренные изменения социализационной нормы как результата успешного вхождения в конкретный временно-пространственный континуум.

Российский опыт подтвердил, что при скачкообразном развитии государства девиантность получает невиданный импульс. Стремительная маргинализация всех социальных слоев и групп и разрастание андеркласса служат «человеческим ресурсом» аномии. На протяжении последних десятилетий идет неуклонный процесс профессионально-трудовой деградации в основной сфере человеческой деятельности, изнашивание организма работников за счет вынужденной занятости в нескольких местах, искусственная люмпенизация и маргинализация граждан трудоспособного возраста и т.п. Усиливается жесткость социальной структуры, всё более ограничивающей социальную восходящую мобильность через кланы, семьи, образовательные барьеры и т.д. Российский девиантолог Я. И. Гишинский утверждает, что «в России происходит динамичный процесс формирования целых групп и слоев «исключенных» - устойчиво маргинальных страт, не задействованных в социальном взаимодействии во всех сферах общественной жизни, которые служат основной базой девиантности» [6, с. 8].

С точки зрения диалектики, социальные отклонения атрибутивно имеют дуальный характер: позитивные - служат средством, механизмом развития системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения (это креативность во всех сферах жизнедеятельности: научной, технической, художественной). В этом контексте девиации имеют прогрессивный и адаптивный смысл. Негативные же девиации (в большинстве своем) нарушают устои общества, дезорганизуют либо тормозят систему, в некоторых случаях влекут распад общества. Дистанцируясь от тривиальной дихотомии, социальные отклонения (девиации) можно трактовать как отклонения от ценностно-нормативной системы, имеющие массовый и устойчивый характер, влекущие изменения социальных отношений, социальных институтов, социальных общностей, зачастую наносящие вред индивидам и группам, имеющие инновационный либо неопределенный потенциал, а также ситуативные и отдаленные социальные, психологические, юридические последствия. В целом, широкое распространение и углубление девиаций ведет к аномальному общественному состоянию - аномии, а она, в свою очередь, становится почвой для новых девиаций. Итак, аномия выступает как необходимое, но далеко не единственное условие, детерминирующее девиантность.

Список литературы

1. **Анисимова С. Г., Мамедов А. К.** Введение в теорию аномии: категориальный позитивный анализ: монография. М.: Издательский дом «АТИСО», 2010. 227 с.
2. **Бердяев Н. А.** Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. **Видюевич З.** Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире // Социс. 2005. № 4. С. 14-25.
4. **Винденгер И.** Аномия и девиация в венгерском обществе // Там же. 2001. № 3. С. 84-89.
5. **Гидденс Э.** Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
6. **Глобализация и девиантность** / науч. ред. Я. Гишинский. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр "Пресс"», 2006. 393 с.
7. **Горохов А.** Человеческая жизнь: самостоятельная ценность или экономическая категория // Россия: XXI век. 2007. № 1. С. 84-109.
8. **Грамши А.** Тюремные тетради. Избранное [Электронный ресурс]. URL: www.greylib.align.ru/text (дата обращения: 25.10.2010).
9. **Дюркгейм Э.** Самоубийство: социол. этюд / пер. с фр. Э. Дюркгейма; изд. подгот. Вал. А. Луков. СПб., 1998. 496 с.
10. **Заславская Т. И.** Современное российское общество: социальный механизм трансформации: учеб. пособие. М.: Дело, 2004. 400 с.
11. **Конюхова И. А.** Структура Российской Федерации: современное состояние и перспективы // Государство и право. 2007. № 2. С. 37-39.

12. **Кривошеев В. В.** Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социс. 2009. № 3. С. 57-67.
13. **Лапин Н. И.** Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. 1992. № 1. С. 5-37.
14. **Магун В. С., Энгватов М. В.** Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985-2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.edu.ru/data/913/646/1219/magun-engvatov.pdf> (дата обращения: 15.03.2011).
15. **Мазаев Ю. Н.** Специфика социальных отношений населения и милиции: современные тенденции // III Всероссийский социологический конгресс: материалы (21-24 октября 2008 г.). М.: ИС РАН; РОС, 2008.
16. **Макуев Р. Х.** Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. 2007. № 3. С. 43-49.
17. **Невирко Д. Д., Шинкевич В. Е., Горбач Н. А.** Деятельность милиции в зеркале общественного мнения // Социс. 2006. № 2. С. 76-84.
18. **Осипов Г. В.** Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М.: Норма, 2007. 848 с.
19. **Пантич Д.** Конфликты ценностей в странах транзитии // Социс. 1997. № 2. С. 25-36.
20. **Согомонов А. Ю.** Культурная асинхронность или «вывихнутое время» (постановка проблемы мультиморальности современного) // Россия реформирующаяся: ежегодник-2004 / отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 262-272.
21. **Сорокин П. А.** Главные тенденции нашего времени. М., 1990. 326 с.
22. **Степанов В. Ф.** Российский менталитет и особенности российской государственности // Государство и право. 2007. № 4. С. 99-104.
23. **Тайбаков А. А.** Преступная субкультура // Социс. 2001. № 1. С. 90-93.
24. **Тёмкина А. А., Роткирх А.** Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Там же. 2002. № 11. С. 4-15.
25. **Чхартишвили Г.** Писатель и самоубийство. Изд-е 2-е, исправ. М., 2006. 206 с.
26. **Шкаратан О. И.** Социальная политика в контексте постсоветской экономики (федеральный и региональный срезы) // Мир России. 1998. № 1-2. С. 5-30.
27. **Шляпентох В. Э.** Советский Союз - нормальное тоталитарное государство: опыт объективного анализа // Социс. 2000. № 2. С. 115-124.
28. **Ядов В. А.** Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2007. Вып. 6. С. 12-23.

PRECONDITIONS AND CONDITIONS OF ANOMIA IN RUSSIA: DEVIANTOLOGICAL DISCOURSE

Svetlana Gennad'evna Anisimova, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Department of Sociology History and Theory
Sociological Faculty
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Fomas2003@list.ru

The article is devoted to anomia in the Russian society which is still in the long process of transformation. The author pays special attention to the complex of the reasons and conditions which caused deviance flourishing such as historical-political, civilization, economic, political-structural, state-administrative, ecological, moral-legal, spiritual-cultural, social-psychological ones, etc. The author distinguishes mass media and works of art as the specific stimulators of deviant behavior manifestation expansion.

Key words and phrases: anomia; deviations; transformation; reasons; conditions; preconditions; disintegration; norms; values.

УДК 304.2

В статье рассмотрена социально-культурная ценность народной музыки, ее способность аккумулировать творческий опыт как в диахроническом, так и синхроническом плане и переводить его в поле культуры личности. Философско-культурологический анализ раскрывает диалектическое взаимодействие народной музыкальной традиции и современного общества, помогает выявить ее основание и в самых общих чертах обозначить тенденции и перспективы развития в условиях современной цивилизации.

Ключевые слова и фразы: духовные ценности; социокультурное пространство; художественные принципы времени; народная художественная культура; народная традиция; народная музыка.

Наталья Ивановна Ануфриева, к. пед. н., доцент
Кафедра социологии и философии культуры
Российский государственный социальный университет
evanufr@yandex.ru

НАРОДНАЯ МУЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

Современный мир несет в себе стандартизацию и унификацию культурных ценностей, что влечет за собой ослабление, а зачастую разрушение традиционных социокультурных связей и структур. Миграционные